

Олег Рясков

Записки экспедитора Тайной канцелярии

К берегам Новой Англии

Пираты, русские офицеры, авантюристы и беспутные красавицы
в блестяще экранизированном романе!

Олег Станиславович Рясков Записки экспедитора Тайной канцелярии. К берегам Новой Англии

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5020491

*Рясков, О.А. Записки экспедитора Тайной канцелярии. К берегам Новой Англии: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-074708-5, 978-5-271-36424-2*

Аннотация

События происходят после смерти Петра Первого. Морской офицер Семен Плахов, обвиненный в убийстве фискального чиновника, неожиданно получает шанс спастись при условии выполнения одного таинственного поручения. Вместе с экспедитором Тайной канцелярии Иваном Самойловым, фокусником Вангувером, юной отравительницей Феклой и воспитанницей Лизой Плахов отправляется в Лондон и Новый Свет. Сражения с пиратами, страшный плен у индейцев – это лишь начало необыкновенных и захватывающих приключения в лучших традициях авантюрных романов и кинолент. Герои попытаются спасти от позорного рабства красавицу, которую беспутный братец проигрывает в карты, и разгадать главную Тайну.

Книга безусловно понравится тем, кто устал от кровавых детективов и философских драм и соскучился по запоминающимся и увлекательным текстам в стиле Дюма, Жюль Верна или даже Акунина.

Книга также вышла под названием «Записки экспедитора Тайной канцелярии. Приключения русской княжны в Новом свете».

Содержание

Несколько предварительных замечаний от автора, в коих высказывает он свою точку зрения на время и людей	5
Часть I	9
Глава 1,	9
Глава 2,	14
Глава 3,	18
Глава 4,	24
Глава 5,	31
Глава 6,	44
Глава 7,	52
Глава 8,	55
Глава 9,	60
Глава 10,	66
Глава 11,	73
Глава 12,	82
Глава 13,	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Олег Рясков

Записки экспедитора Тайной канцелярии. К берегам Новой Англии

**Несколько предварительных
замечаний от автора, в коих
высказывает он свою точку
зрения на время и людей**

Не кажется ли вам, что время – весьма странная штука? Иногда оно тащится, словно полудохлая кляча, запряженная в скрипучую телегу. Дни текут мучительно долго, ты слоняешься по комнатам, размышляя, чем бы занять минуты и часы вынужденного безделья. То Тришку кликнешь и дашь нагоняй за ножку стула, которую давно пора поправить, иначе того и гляди гость какой с него свалится и конфузу не оберешься, то ключнице Маланье накажешь по хозяйству. А все одно: кляча тащится от утра до вечера, еле передвигая телегу твоей никчемной жизни.

Но вдруг что-то происходит. Словно движитель какой натягивает пружину, приводя в действие невидимый механизм. События начинают сменять одно другое, ветер перемен дует в лицо, ты расправляешь паруса и несешься в неведомую даль навстречу приключениям и опасностям. Тут уж не до хозяйства, Тришка остается без призора, а ты весь отдаешься во власть этого движения. Оно теперь управляет тобой...

Вроде, не так давно оставили мы нашего героя Ивана Самойлова в кабинете Андрея Ивановича Ушакова. Вернее будет сказать, это он оставил своего покровителя размышлять о судьбах Родины и своей собственной, ибо дело, коему отдал Глава Тайной канцелярии столько сил, теперь оказалось никому не нужно. Времени с того памятного дня прошло немало, только каждый из наших героев прожил его по-раз-

ному. А потому дадим себе труд рассказать, что же случилось с ними после того, как Самойлов с горечью закрыл за собой дверь кабинета.

Не будучи связан более никакими государственными обязательствами, Иван наш не мешкал. Любовный трепет указал ему путь. Дорога была неблизкой, надлежало ему вместе с воспитанницей Лизой плыть по суровому морю и неприветливой Темзе аж до английской столицы. Зато по достижении нужного порта Иван был сторицей вознагражден за все невзгоды последних лет. Варенька Белозерова сразу дала согласие стать его законной супругой.

Вангувер благословил сей брак, и молодожены поселились у него. После кончины отца он стал главой древнего рода Белозеровых. Не только хитер был этот человек и умен, но и щедр к друзьям своим, а уж тем более к сестрам и тетушке, которые так много испытали, находясь в опале на Родине. И все-таки ловкость, которую этот русский голландец именовал искусством, составляла основу его натуры. Если бы не она, гнить бы его родным в русской глуши до конца дней своих. А так он провел за нос самого Ушакова – вывез все свое семейство и родовой капитал в Европу. Благодаря чему в средствах стеснен не был и снял просторный дом недалеко от Лондона, в коем и потекла семейная жизнь бывшего экспедитора Тайной канцелярии неспешно и праведно.

Также неспешно текли в одной из деревень, подаренных Петром, дни Андрея Ивановича Ушакова. Только ему покой

и безмятежность были не в радость. Не так был воспитан, к тому же семьи для услаждения однообразных будней не нашёл. Скучал, одним словом, старый служака в родной тиши. Иногда скучал так сильно, что Егорка не успевал пополнять запасы спиртного да вздыхать, глядя на то, как мается барин поутру.

Но помните про пружину и тайный движитель? Она натягивалась совсем недалеко от имения Ушакова – в столице. И не где-нибудь, а во дворце Светлейшего, который по смерти Петра Алексеевича правил бал у русского трона. Дочь свою этот баловень судьбы вознамерился выдать замуж за малолетнего Петра, унаследовавшего престол, дабы раз и навсегда связать свой род с царским. Но деньги для решения сей непростой задачи нужны были немалые, да и люди надёжные. А таких на Руси во все времена днем с огнем искать было надобно, особенно в царских покоях. Тут-то и вспомнил Александр Данилович о своем заклятом «друге» Андрее Ивановиче Ушакове...

И вот в тот самый момент, как велел он послать за ним в деревеньку, сработала та пружина, что нарушила безмятежную жизнь не только самого Ушакова, но и Ивана Самойлова, супруги его Варвары, воспитанницы Лизы, Вангувера и многих других, о ком рассказ наш еще впереди...

Часть I

Экспедиция

Глава 1, о камне в кармане и давних обидах

Пока же обратимся к запискам экспедитора Тайной канцелярии, кои и в прошлый раз дали нам немалую пищу для размышлений:

После увольнения Ушакова из Тайной канцелярии я счел себя свободным от службы и решил присоединиться к Ван-

гуверу, собиравшемуся в скором будущем покинуть Европу и направиться в Новый Свет. Вот так мы с Лизой распрощались с верным Егоркой и уехали за границу. Что касается Ушакова, то отставка привела его в уныние. Он скучал у себя в усадьбе до тех самых пор, пока не произошла череда событий, изменивших многое...

О каких же таких событиях упоминает наш герой? Уж не о тех ли, каковыми пестрят страницы исторических сборников, но которые так далеки порой бывают от истины? Почему так случается, догадаться несложно. История – дама капризная. Любая неточность может исказить ее до неузнаваемости. Записки же Самойлова, что читал я с жадностью страницу за страницей, не переставали удивлять меня полным отсутствием желания утаить истину.

Именно из них я узнал, что наделавший столько шуму заговор Толстого-Девьера был ничем иным, как очередной интригой Меншикова. Сметливым учеником оказался Алексашка: грамоте не научился, а вот слова Петра о камне, что необходимо держать в кармане, дабы при надобности выбить зубы графу Петру Толстому, запомнил крепко. И в нужный момент этот самый «камушек» и вытащил перед умирающей императрицей. Толстой только еще пребывал в рассуждении, как укусить Светлейшего поноровистее, а тот уже запряг колымагу, каковая навсегда увезла некогда всеильного графа Петра в Соловецкую обитель. В свои 82 года сановный вельможа был лишен всех чинов и имений. Понятное дело, что

долго такую жизнь Толстой выдержать не мог – через два года и помер.

Не пожалел Светлейший и зятя своего – генерал-полицмейстера Петербурга графа Антона Девиера, коего не любил давно – еще с тех самых пор, как осмелился тот посватать сестру его Анну Даниловну. Меншиков долго над ответом не размышлял – двинул жениху в зубы разок-другой и спустил с лестницы с наказом и не помышлять о руке сестры. Девиер совершил обходной маневр, один из тех, что были в ходу при тогдашнем дворе. Сей пассаж привел его напрямик в покои к Петру Алексеевичу. Петр вступился, и свадьба состоялась.

А как стал зятек столичным генерал-полицмейстером, так вообще зазнался. Вроде по форме подчинялся Меншикову как генерал-губернатору, но всегда норовил напрямую с царем все вопросы городского хозяйства решить. И по смерти Петра, уже при Екатерине, злостную клевету учинил на Светлейшего в докладе императрице. В бумаге сей говорилось, будто жаловались на Меншикова курляндцы, мол, пытался он всеми правдами и неправдами завладеть герцогским престолом.

Меншикова сии наветы немало разозлили. Чего они там только в своей Курляндии не удумают! Зачем же все к русскому престолу нести?! Зачем государыню сими малыми хлопотами утруждать? У нее за Россию-матушку душа пусть болит, а с Курляндией Александр Данилович и сам как-нибудь разберется.

Да и ясно было, что дело и не в Курляндии вовсе. Ну не хотел зятек, чтобы род Меншиковых с царским породнился. Противилось в нем все такому повороту событий. Вот козни и строил. А зря! Может быть, оно все и по-другому обернулось. А так пришлось взять его под караул и к дельцу Толстому персону его смутьянскую присовокупить. В октябре 1726 года Антон Девиер был возведен в графское достоинство, а уже в мае 1727-го лишен дворянства и титула, чинов и имений, бит кнутом и сослан в Сибирь. Сестре же надлежало жить в одной из деревень, ей принадлежащих, где она и обрела вечный покой вдали от любимого супруга.

На всякий случай был устранен из столицы и всесильный Андрей Иванович Ушаков. Для начала Меншиков ослабил его влияние, упразднив Тайную канцелярию, затем добился, чтобы Ушаков был выведен из состава Сената. И уж чтобы окончательно расставить все *point sur les i*, подвел его под следствие по делу Толстого-Девиера.

Правда, обошлись с Андреем Ивановичем гораздо мягче, чем со «сподвижниками» его по коварному замыслу. Всего-то двухсот дворов лишили и отправили в полевые полки: сперва в Ревель, а потом – в Ярославль. Такое наказание Ушаков должен был за честь почитать. Чинов его не лишили, званий не отняли, а что к ратному делу приставили, так ему то даже в радость. А по прошествии некоторого времени и вовсе вернулся Андрей Иванович в деревеньку под Петербургом.

Так что Меншиков, когда за Ушаковым туда посылал, так понимал, что обиду графу на него таить не за что. Ярославль – это вам не Соловки или Сибирь. Да и доходили до Александра Даниловича слухи, что больно уж сильно скучает Ушаков без настоящего дела. Поговаривали даже, что пьет горькую. Меншиков вспомнил об Андрее Ивановиче неспроста: попалась ему на глаза грамотка о масонском золоте, и решил Светлейший разобраться с сией загадкой. Долго, впрочем, он себя досужими домыслами не путал – все сводилось к одному и тому же лицу, к розыску какового он и решил привлечь Ушакова. Зачем же такому блестящему уму прозябать среди березок?.. Вот и послан был Туманов со срочным и тайным поручением.

Глава 2, о чудесных превращениях, кои производит с человеком пара ведер воды

Ранним утром выехал Туманов из столицы. Всю дорогу он гнал коня во весь опор. Светлейший промедлений не любил, да и самому ему не терпелось увидеть бывшего патрона. Уж сколько он под его началом прослужил, какие дела они с Андреем Ивановичем раскрывали! Любо-дорого!

Но та сцена, невольным свидетелем коей ему вскоре суждено было стать, остудила служилый пыл. Едва он подъехал к барскому пруду, как тут же узрел престранную фигуру у шахматного стола, каковая никоим образом не походила на Ушакова: сей господин был небрит, облачен в несвежий халат, парик с его головы сполз, лицо обрюзгло... И в таком вот странном виде вышеозначенная персона занималась небывалыми вещами. Кто?! Сам Ушаков!!! Рыбачит и играет в шахматы со слугой. Глаза отказывались верить!

Туманов оторопел и не знал, как подойти с докладом. В недоумении наблюдал он, как Андрей Иванович залпом опрокинул очередную стопку, крякнул и отправил вслед за ней ядреный соленый огурчик. Затем утер усы рукавом парчового халата. Ясно было, что ход свой он уже сделал и те-

перь ждал ответного. Слуга Федор почесал нос и почтительно переставил коня на белое поле. Попугай в клетке, что находилась тут же на подставке, принялся невразумительно ворчать.

И вдруг знакомый голос нарушил утреннюю идиллию и заставил Туманова наконец поверить, что он не ошибся в по-
пыхах:

– Ты что ж, шельмец! Опять в поддавки затеял? Я же тебя прикажу... на конюшне выпороть...

– Так, Ваше сиятельство, я же сам не заметил... – залепетал Федор.

– Егор! – позвал Ушаков, словно не замечая оправданий.

Егор нехотя подошел к шахматному столику и молча налил из графина водки.

– Ему тоже налей, – кивнул Андрей Иванович на Федора. Затем поднял полную до краев стопку и произнес с угрозой: – Еще раз мне подставу сделаешь – ей-богу за кнутом пошлю.

На тот сие замечание никак не походило, тем не менее еще одна порция горячительного напитка, сопровождаемая нехитрой закуской, отправилась догонять предыдущую. Андрей Иванович оценил эффект внутри организма, произведенный сим путешествием, опять довольно крякнул и бросил Федору:

– Играй! – Потом с сожалением посмотрел на круги, что пошли по глади пруда от удилица, и прошептал: – Эх, и наживку сожрали...

Туманов, оказавшийся не в силах более наблюдать сию мрачную картину, наконец решился:

– Ваше сиятельство, князь Меншиков требует... к себе...

– Дурья твоя башка! – слышалось в ответ.

Офицер вытянулся в струнку, довольный тем, что тяготы последних лет не изменили пылкую натуру графа, и приготовился к разгону, но вдруг услышал совсем иное:

– Я же тебе сказал, еще раз подставишь мне коня – я тебя выпорю!

Туманов в недоумении посмотрел на Егора, ища поддержки, тот ободрительно кивнул, и офицер снова начал:

– Ваше сиятельство...

Ушаков налил себе еще водки, выпил и лениво спросил:

– Давно требует?..

– Так еще поутру посылал, – радостно отчеканил Туманов. – Говорит, срочно!

Ушаков, покачиваясь, поднялся со стула, стащил с головы парик, скинул халат и, оставшись в одной нательной рубашке, крикнул:

– Егор! Воды!..

Денщик засуетился, заметил ведро, что было приготовлено для улова, зачерпнул холодной утренней воды прямо из пруда и со всего размаху выплеснул ее прямо в лицо Ушакова. Андрей Иванович фыркнул, утерся широкими ладонями, раскатистый смех его огласил округу. Он расставил руки и стал похож на могучую птицу, приготовившуюся к дальнему перелету.

– Еще!!! – раздался ликующий крик.

Федор подал Егору второе ведро.

– Эх, где наша не пропадала, Ваше сиятельство! – и денщик, смеясь от души, окатил барина очередной порцией ледяной воды.

Едва Ушаков перестал жмурить глаза, Туманов увидел, что водные процедуры произвели в Андрее Ивановиче чудесное превращение: взгляд стал ясным, лицо посвежело... И вдруг все тот же голос, что отдавал ему приказы столько лет, scomандовал: «Одеваться!». Туманов понял, что перед ним снова стоял никто иной, как Глава Тайной канцелярии. Егорка довольно покачал головой и побежал готовить платье.

Глава 3, в коей охотник почуял добычу

Дела Александра Даниловича шли как никогда хорошо. С главными противниками своими свежеиспеченный генералиссимус и адмирал ловко расправился. Указ о назначении малолетнего Петра русским царем подсунул Екатерине за несколько часов до ее кончины. А до того уговорил ее дать свое согласие на брак царевича и своей дочери Марии.

25 мая 1727 года, после обручения, Мария официально стала государевой невестой. И тут уж, когда до заветной цели осталась пара шагов, за Петром II нужен был глаз да глаз. Дабы оградить царя от ненужных влияний, коим подвержен

был его неокрепший ум, Меншиков поселил его у себя во дворце – так надежней.

Юный царь практически ничего не унаследовал от деда. Не был склонен к делам государственным. Его тяготили занятия, кои велел с ним проводить будущий тесть. А тут еще эта Марья с вечными приставаниями. Со временем она стала раздражать царя, и он пользовался любым предлогом, чтобы досадить ей, превратив ее буквально в девочку для битья. Мария скрепя сердце сносила обиды, хотя и переживала, что не ладится у нее с Петром, что он четыремя годами младше нее и нрав у него больно пылкий и невоздержанный. Она часто прибегала к отцу жаловаться на жениха.

Тем самым утром, когда Ушаков дожидался аудиенции в приемной дворца Светлейшего, в очередной раз выговаривала Маша отцу о своих обидах. Александр Данилович дочь любил, но на весах лежала корона, каковая перевешивала любые бабьи слезы. А потому иного совета, кроме как набраться терпения, у Светлейшего не было.

– Ну а что ты хнычешь? – прервал он без церемоний ее жалобы. – Такова женская доля. Он же царь. Терпи.

Тут дверь кабинета растворилась, и на пороге возник камердинер с докладом. Мария, желавшая еще что-то сказать отцу, была прервана на полуслове.

– Ступай пока, – указал Александр Данилович ей на дверь и посмотрел на слугу.

Тот не замедлил доложить:

– Там Ушаков дожидаются.

Меншиков и сам заметил в открытую дверь знакомую фигуру.

– Зови, – приказал он.

Ушаков вошел улыбаясь. Меншиков понимал, как нелегка ему эта улыбка, и поддержал игру, что обоим была на руку: раскрыл объятия и трижды по-христиански расцеловал гостя.

– Андрей Иванович! – приговаривал он между поцелуями, дружески похлопывая Ушакова по спине. – Ну что? Какое житье-бытье в деревне? Насиделся уж поди, али как? По делам-то не соскучился?..

Александр Данилович сел сам и указал графу кресло напротив.

– Смотри что делами называть, Александр Данилович.

– Да ты обидчив, брат! – сделал удивленное лицо хозяин дома. Но поскольку более расшаркиваться перед Ушаковым он намерен не был – и так все политесы уже соблюдены, – то и тон соответствующий далее взял: – Ну да я не за тем тебя вызвал, чтобы обиды старые вспоминать. Ты про морскую экспедицию Вильстера, ту, что мы с покойным Петром Алексеевичем, царствие ему небесное, к берегам Мадагаскара отряжали, слышал?

– Это ту, что в противовес шведскому флоту послана была искать союза с тамошними пиратами?

– Именно. Только мне более по нраву называть их капе-

рами.

Ушаков улыбнулся:

– Лихими людьми, по морю промышляющими...

Меншиков шутки не поддержал:

– Нам доподлинно известно, что корабли «Амстердам-Галей» и «Декронделивде» так и не достигли берегов Санта-Марии. Ну так вот, Андрей Иванович, снаряжай ты корабль и исполни волю нашего покойного государя.

Ушаков пристально посмотрел на князя:

– С превеликим удовольствием, Александр Данилович. Но много воды утекло с тех пор... Чего пиратов искать? К чему на самом деле корабль снаряжать?

– Прозорлив ты, Андрей Иванович. За что и ценю. А на самом деле снарядишь корабль для того, чтобы найти казну масонов. Да-да, ту самую, что хранил Фалинелли. Кого искать, ты знаешь.

Взгляд Ушакова стал похож на взгляд хищной птицы.

– Вангувера, – прошептал он.

– Да, ты этого фокусника уже ловил...

– Ловил, да не словил, – в голосе послышалась досада.

– Словишь, – ободрил Ушакова Меншиков и, поняв, что

в дальнейших уговорах этот охотник, почуявший запах добычи, более не нуждается, перешел к инструкциям: – Корабль снарядишь под иноземным флагом, капитаном поставишь также иноземца, но при нем пусть будет наш человек. Человека найди понадежнее. Только он один должен знать об истинных целях экспедиции. Поиски надобно начинать здесь.

Меншиков достал из миниатюрной шкатулки булавку и ткнул ею в карту, что лежала тут же на столе. Ушаков нагнулся и увидел выведенное латиницей слово, что оказалось как

раз под булавкой, – *London*.

Глава 4, повествующая о делах амурных, без коих ни одно историческое событие обойтись не может

День был в разгаре, солнце уж высоко поднялось над рыночной площадью, и если б не легкая дымка на жарком летнем небе, палило бы оно сейчас нещадно. Торговая суeta понемногу начинала затихать: рыбные ряды уж опустели, мясники тоже попрятали свои колбасы в холодные погреба. Овощные лавки пока не торопились сворачиваться: небось, не повянут огурцы да свекла, а запоздалые хозяйки, глядишь, и прикупят еще снеди – хоть полушкой, да разживешься. Тоже деньги.

У зеленой лавки топтался молодой человек опрятного вида в мундире морского офицера и треуголке. Звали его Семен Ильич Плахов. Ясно было, что зелень в этот момент волновала его меньше всего на свете, однако он не уходил и в который раз принимался разглядывать да перекладывать пучки лука, то и дело посматривая в сторону каменного крыльца небольшого особняка в начале соседней улицы. Лицо юноши было вполне приятным, его можно было назвать даже располагающим, если б не излишняя строгость в выражении. При первом взгляде на него становилось понятно, что улыбаться

его обладатель не привык и намерения у него в жизни были самые серьезные.

Но вот глаза молодого офицера потеплели, потому как терпение его, наконец, было вознаграждено: на объекте наблюдения (крыльце, то бишь) появилась юная барышня в сопровождении служанки. Все в ее облике говорило о совсем ином отношении к жизни: девушка была нарядно и со вкусом одета, двигалась неспешно и с какой-то негой, глаза были веселы и безмятежны, на лице играла лукавая улыбка. Стоит отметить, что молодая особа была чудо как хороша собой и не один только наш герой с восхищением смотрел на нее в сей момент. Впрочем, он тут же отвел взгляд и поманил пальцем мальчонку-оборванца, вертевшегося под ногами лавочников. Тот живо подбежал, немедленно получил знакомое задание, медную монетку, лукошко свежей клубники в руки и, улыбаясь щербатым ртом, кинулся к нарядной барышне со словами:

– Посмотрите-ка, это не вы потеряли?

– Что потеряла? – обернулась та.

Мальчишка ухмыльнулся и протянул ей лукошко.

– Спасибо, – девушка приняла подарок и подняла голову на настоящего дарителя, ловившего момент, чтобы дать о себе знать. Он встретил долгожданный взгляд и отвесил учтивый поклон.

На мгновенье она просияла, но тут же опомнилась, сдержанно кивнула Плахову и медленно двинулась вдоль торговых рядов.

Ободренный вниманием, Семен поспешил подойти к кравице.

– Мое почтение, Анастасия Афанасьевна!

Та сделала вид, что очень занята выбором капусты, отдала один из тугих кочанов служанке Глаше, расплатилась и только после этого снизошла:

– Я думала, вы сегодня что-то новенькое приготовите.

– Ну, новенькое приготовить завсегда сложнее, чем старое... – неловко ответил ухажер.

Девушка промолчала и пошла дальше, разглядывая прилавки. Плахов чуть выждал и снова попытался завязать раз-

говор:

– Я вас с самого утра дожидаясь, а вы вон до полудня дотянули...

– Не надоело вам за мной бегать, как мальчишке?

– Так сердцу не прикажешь! – растерянно ответил наш герой, видя, что его не спешат одарить благосклонностью.

В сей момент раздался шум в соседнем ряду: детвора, расшалившись, толкнула молодую девку, которая несла за хозяйским поваром большую корзину, полную яиц. Вмиг по мостовой разлетелись скорлупки, желтки смешались с уличной пылью. Девка со страха присела на корточки, тщетно пытаясь отыскать уцелевшие яйца. Но над ней уже навис толстяк-повар с плеткой:

– Ах ты, растяпа!

Хлыст взметнулся в воздухе. Девка закрыла лицо руками, и вовремя – красные следы остались только на руках. Она замерла, как запуганное животное, ожидая нового удара. Это обстоятельство заставило Плахова на минуту забыть о Воронцовой и проявить участие. Семен ринулся к обидчику-повару и резко дернул его за плечо:

– А ну-ка, дядя! Полегче!

– Ой! А что будет-то? – расхохотался толстяк. – Иль ты мне мое добро купленное воротишь?

Оглянувшись на Анастасию, Плахов, досадуя на не ко времени появившуюся помеху, схватил злодея за грудки и грозно произнес:

– Я тебе сейчас так ворочу, что мало не покажется. – Потом ободрил избитую служанку: – Не бойся, он тебя не тронет! – И снова повернулся к повару: – Если я еще раз увижу, что ты девку бьешь, я тебе...

Что именно он ему пообещал никто не услышал, так как Семен лишь прошептал угрозу в мясистое поварское ухо, вложив в нее все свои познания о грозных расправах. Правда, тут-то его пыл и поугас – заметил наш боец, что главный его зритель покинул амфитеатр и эффектной концовкой сей комедии развлекались только площадные зеваки. Что делать, Плахову оставалось лишь догонять свою капризную музу. Повар же с большим вниманием отнесся ко всему услышанному. На минуту остолбенел он с разинутым ртом и выпученными глазами, пока из толпы не прозвучало издевательское:

– Митрий! Это ж какую тебе кару пообещали, поделись с народом, что ты так испужался?

Тут уж он спохватился, одернул замершую в страхе девку:

– Че стоишь? Пойдем домой, давай!

И поспешил прочь от греха подальше.

Семен нагнал Воронцову уже у крыльца ее дома и окликнул:

– Анастасия Афанасьевна!

Та молча обернулась и выжидающе посмотрела на своего незадачливого ухажера. Плахов видел, что восхвалять его за совершенный подвиг она не собирается. Проклиная себя за

неуклюжесть и навалившееся косноязычие, он не нашел ничего лучше, как вновь заговорить о случившемся:

– Вот ведь как... Обидел девчонку, злыдень...

Кивнув служанке, чтобы та отправлялась домой, неприступная красавица снизошла до объяснений:

– Вы думаете, что после того, как вмешались, ей жизнь облегчили?

– Ну не смотреть же, как ее... это...

– Иногда лучше промолчать. Вы представьте: сейчас этот повар придет домой, пожалуется барину на бедную девочку, и ту отправят на порку. И что ей лучше: стерпеть один удар от этого злыдня али на конюшне получить по полной?

Несчастный Плахов вконец смутился от столь неожиданных назиданий, а Воронцова смерила его взглядом, удовлетворилась достигнутым эффектом и повернулась, чтобы войти в дом.

– Вы, это... В церковь-то пойдете... в воскресенье? – бросил ей вслед Семен.

– Конечно пойду, – Анастасия оглянулась с улыбкой, и это обнадежило Плахова.

– Так я вас провожу тогда?

– Разве у меня есть выбор? – вопросом на вопрос откликнулась красавица и скрылась за дверью.

Ответ был кокетлив, но означал согласие. Да и само это кокетство говорило за себя: ухаживания офицера были желанны, и только гордость не позволяла девушке открыть свои

чувства. Но Семену этого было достаточно, чтобы ощутить крылья за спиной. И хотя не взлетел он, а просто побрел, стуча каблуками по мостовой, к себе домой, мысли его перенеслись уже в заветное воскресенье, когда он предстанет с ней перед алтарем, хоть пока и на простой заутренней, но может потом, когда-нибудь... И вид у него был счастливый и глупый, как у всех влюбленных в этом грешном мире.

Глава 5, о том, что в карты можно проиграть не только деньги, но и совесть

Степан Афанасьевич Воронцов придерживался того мнения, что если тебе в картах не везет несколько раз кряду, то за сим обязательно придет везение, а потому прекращать игру не стоит, надо лишь дождаться своей удачи. Были у него и другие приметы: играть лучше в дождь; коли во сне карты привиделись, то в руки их брать в этот день никак нельзя; в своем доме везенья завсегда больше. Сегодня все приметы сошлись: дождя хоть и не было с утра, но к обеду солн-

це затуманилось (как пить дать, ввечеру полъет), ночь прошла без сновидений, игра с дружками давними, офицером Хромовым да солдатом Стрешневым, была затеяна в гостиной того самого дома, где Степан проживал вот уже три года вместе со своей сводной сестрой Настей, с тех самых пор, как помер их отец, граф Воронцов. А так как за утро ему не повезло еще ни разу, удача вот-вот должна была его настичь. Возможно, уже в следующей партии. Посему очередной проигрыш не сильно расстроил молодого графа. А добрый, отнюдь не первый глоток вина и вовсе развеял печаль.

Хлопнула дверь, в комнату вошла сестрица, а следом за ней служанка Глашка (ох и аппетитная девка, да норовистая). Степан косо глянул на Анастасию, не ожидая от нее одобрения, чуть дольше задержался взглядом на Глашке, которая презрительно надула губки, отчего стала еще соблазнительней.

– А-а-а... это ты, – кивнул Степан Насте, – а я опять про-
дул.

Воронцова хмуро оглядела захмелевших игроков, молча покачала головой и ушла к себе в комнаты. Служанка, опасно косясь на господ, поспешила за ней.

– Ну как, еще? – не скрывая торжества, спросил Хромов. – Или с тебя хватит на сегодня?

– Ты думаешь, что только тебе сегодня выигрывать? А вот и нет! Я вот сейчас возьму и отделаю тебя, как бог черепаху! – хоть язык что-то не очень слушался Степана, но азарт его только начал распалиться. Правда, оказалось, что подкрепить этот азарт уже и нечем – в кармане жилета осталась лишь одна единственная медная деньга. Воронцов минуту разглядывал ее, силясь понять, почему она одна, потом решительно выложил ее на стол.

– Ха-ха! Как бог черепаху! – Хромов подбросил медяк и

насмешливо положил его рядом с горсткой золотых монет, лежащих рядом с ним. – Тебе, милый мой, надо покрупнее монету найти.

– А ты мне и одолжи, – нашелся Степан.

– Одолжить, чтобы ты потом эти же деньги у меня и отыграл? Ха-ха! Да ты, брат, разумом помутился совсем. А меня за дурака держишь!

Тут некстати в гостиной опять показалась Настя. На сей раз она остановилась возле братца, с упреком заглянула в его мутные глаза и произнесла:

– Может, хватит уже? Посмотри на себя, э-эх! Допился!

Степе стало стыдно того, что его так унизили при товарище, и он злобно рывкнул в ответ:

– Цыц! Баба! Ты кто есть?! Девка незаконнорожденная... учить меня будет!

Видя, что слова ее действия не возымели, девушка отправилась восвояси. Глаша тоже хотела уйти, но Воронцов окликнул ее:

– Глашка, вина!

Хоть рядом стоял его собственный слуга, холоп Воронин, но Степе хотелось, чтобы ему прислуживала смазливая девка. Служанке было не по себе от его пьяного похотливого взгляда. Противиться она, однако, не посмела, принесла бутылку и попятилась к двери.

– Незаконнорожденная? – заинтересовался Хромов.

– Так евонный батюшка, – зашептал ему на ухо Воронин, –

с крепостной своей нажил сестрицу хозяина нашего.

– С крепостной? – обрадовался Хромов. – Так она, стало быть, тоже крепостная? А гонору – будто пава!

В голове у него закопошились недобрые мысли. Не заметить редкую красоту Анастасии Афанасьевны было невозможно. Хромов не раз, бывая в этом доме, пытался оказывать барышне знаки внимания, но гордячка словно вообще его не замечала. Похоже, случай подвернулся укротить ее нрав.

– Слышь, Степан Афанасьевич! Так у тебя товар есть, сыграй на него.

– Товар? – не понял Воронцов.

– Товар! – уже уверенно произнес Хромов. – Сестрица твоя сводная прижита с крепостной. Стало быть, крепостная

она и сама. Так на кон ее! Отыграешься. Я готов все золото против нее поставить.

Для пущей убедительности он сгреб все монеты и придвинул их к середине стола. Ход был выбран верно – у Степана алчно заблестели глаза. Глаша так и обмерла в дверях, не веря своим ушам. Но тут некстати вмешался Стрешнев:

– Недоброе ты задумал. Степан! Кто ж сестру свою?..

– Цыц, ты! – рассвирепел Хромов. – Ты кто такой есть, вша солдатская? Ты ешь со стола барского – так молчи, пока не спросили.

Затем, не давая опомниться вконец опьяневшему Воронцову, вновь надел на него:

– Ну что, Степан Афанасьич? Поставишь или боишься?

– Что? – взъерепенился Степан. – А вот и поставлю! –

решился он и для верности хлопнул кулаком по столу.

Перепуганная Глаша поняла, что медлить более нельзя. В голове у нее был только один план – скорее позвать того единственного защитника, который есть у ее бедной, ничего не подозревающей хозяйки. Бесшумно, чтобы не привлечь внимания, она поспешила к выходу и через минуту уже бежала по улице. Только бы вспомнить дорогу к дому спасителя, только бы он был дома!

К счастью, Плахов был у себя. Он даже не успел еще приняться за какое-нибудь дело, все витая в сладостных мечтах. Тревожный стук в дверь вернул его на землю. А уж когда он увидел лицо перепуганной служанки своей возлюбленной, то и сам испугался.

– Беда! Ваша милость! – выдохнула Глаша.

– Что за беда?

Запыхавшаяся девушка толком и не знала, как поведать о том ужасе, что творился у них в доме.

– Так Степан Афанасьевич барышню на кон в игре поставили!

– На кон? – не понял Семен.

– Ну, сказали, что раз мать ее крепостная, зная, она тоже крепостная. И играют на нее! Беда, одним словом! – от волнения девушка почти кричала.

– Ничего не понимаю, – вся эта нелепица не укладывалась у Плахова в голове.

Прекрасную, величественную, недостижимую Анастасию

Афанасьевну разыгрывать в карты? Быть не может! Нелады, видать, в голове у Глашки. Ну да надо разобраться.

– Ладно. Жди здесь. Я мигом.

Ну а пока наш герой искал шляпу и кафтан, хотелось прояснить для читателя то положение, в котором пребывала красавица Анастасия Воронцова, воздыхателем которой, как оказалось, был не только один Плахов.

Ее отец Афанасий Никитович Воронцов, один из боевых офицеров, храбро сражавшихся под знаменами Петра Первого, верой и правдой служил своему царю и дослужился до высоких чинов и наград, но в Северную кампанию получил изрядную контузию и вернулся в родовое гнездо залечивать раны. К этому времени он овдовел. Смерть не пощадила его супругу, и разрешившись от бремени, она вознеслась в мир

иной, при этом оставив мужу наследника.

Афанасий Никитович после ранения на поправку шел медленно, глаз да глаз был нужен: когда подушку подложить поудобнее, когда водицы подать. С ног сбился тогда его денщик Василий. И наладил хозяину дворовую девку Марфу, чтобы она его выхаживала. И тут произошло чудо, то ли знала Марфа хитрости какие, то ли проведение вмешалось, но становился хозяин здоровее день ото дня, да так припустился, что даже столичный врач в очередной приезд удивился.

Окрепнув окончательно, Афанасий Никитович Воронцов спасительницу свою вниманием не обошел, наказал, чтобы в доме оставалась. Приглянулась она ему. Ладная была, расторопная. Когда уезжал, даже в губы целовал. Но знать не знал Воронцов, что через девять месяцев Марфа родит дочку и наречет ее Настей.

Вот как оказалось, что первые семь лет не знала Настя родителя своего и о заслугах его ничего не слыхивала. Росла она простой босоногой крестьянской девчушкой-сорванцом, единственной и горячо любимой дочерью дворовой девки Марфы. Слыхала, правда, не раз, как судачила дворня об ее матери и хозяине, да и о ней самой за спиной перешептывались, будто похожа она на отца бесстрашием и умом своим. Смысл сих речей оставался для нее неясен.

Однажды глядела она сквозь ограду на господский сад, где в тот час прогуливался молодой барчук, лентяй и увалень. Не столь ей был интересен сей мальчик, как притягательно блю-

до с сахарным печеньем, что стояло рядом с ним на столике. Надо сказать, что еще в детстве Настенька была необычайно хороша собой: огромные синие глаза, белая кожа, тугие каштановые локоны очаровывали всех, кто ее видел. Барчук заметил красивую крестьянскую девочку и поманил ее пальцем. Та вмиг пролезла сквозь прутья ограды и с замиранием сердца приблизилась к нему, не сводя глаз с блюда. Но отведать сладкого печенья ей тогда не удалось: надменный мальчик спросил, как ее зовут и что она умеет, заставил спеть песенку, а затем грубо велел убираться, наслаждаясь ее разочарованием. Она убежала, еле сдерживая слезы обиды. Все это видел старик-денщик. Он нашел девочку за амбаром, протянул ей спелое яблочко и погладил по голове, а потом сказал стоявшей рядом Матрене-ключнице:

– Вот ведь, кровь одна, а как не похожа Настюша на брата!

– На какого брата? – удивилась девочка.

– Ступай к матери, нечего у господского дома ошиваться! – прикрикнула на нее Матрена.

Вскоре все разъяснилось. Из далекого военного похода вернулся барин. Не застав Марфу, справился о ней. А как узнал, что ушла в село, да еще и родила, приказал звать к себе. Нарядила Марфа дочку в новый сарафан, повязала ей волосы красной лентой и повела ее в господский дом, где раньше бывать девчужке не доводилось. Дальше случилось совсем невозможное. Барин как увидел дочь, крикнул, выпил штоф водки, покрутил ус и велел, чтобы Настя с сего

дня в доме жила да училась грамоте, наравне с братом. Что носить ей надобно теперь только платья барские и ходить за ней будет служанка. Когда изумленная Настенька спросила у матери, почему все будет так, та взволнованно прошептала:

– Благодари барина, падай ему в ноги!

Настя в ноги не бухнулась, а подошла и голову наклонила:

– Благодарствую, барин.

Воронцов поднялся, присел перед девчонкой и в кои-то веки прослезился:

– Не барин я тебе, отец я твой.

Так в первый раз переменилась жизнь Анастасии Воронцовой. За сим последовала не одна перемена: разлука с матерью, переезд вслед за отцом в столицу, в тот самый родовой особняк...

Отношения со сводным братцем-задавакой так и не сложились. Степан Афанасьевич затаил на родителя обиду за то, что тот привел в дом крепостную девку, да еще объявил ее своей дочерью, а стало быть, его сестрой. Оскорбленный до глубины души, он всячески старался унижить новоявленную сестрицу и показать ей, что хоть живут они в одном доме, но она ему не ровня. Настя быстро смекнула, что спуску Степану давать нельзя, хоть он и старше, и прав своих не уступала. Отец в их ссоры не вмешивался, к тому же часто бывал в разъездах, дома его почти и не видели. Так вот выросла Анастасия: почти без матери, почти без отца, презираемой сестрой нелюбимого братца. Это воспитало в ней, од-

нако, характер сильный, волевой, умение лавировать между превратностями судьбы и не впадать в отчаяние при любых ее крутых поворотах.

С годами красота девушки лишь расцветала. Образование было дано ей весьма приличное, немец-лютеранин научил ее и языкам и манерам. Шли годы, Настя выросла, заневестилась, но женихи не спешили засылать сватов в дом Воронцовых: внезапная смерть оборвала жизнь Афанасия Никитовича Воронцова раньше, чем он определился со своими намерениями относительно дочери. Граф не оставил Анастасии приданого, не подписал вольную и никак не обозначил ее статуса. Он только лишь поручил ее заботам сына и взял с него обещание оберегать и опекать сестру со всем возможным старанием. С тех пор прошло уже три года. Настя привыкла самостоятельно вести хозяйство, решать все домашние вопросы, поскольку братец после смерти отца пустился во все тяжкие, проматывая наследство, и о делах думать забыл. Жизнью сестры он интересовался мало, а вот она о нем заботилась, понимая, что иначе он совсем пропадет. Так было до того самого злополучного дня, когда в судьбу ее грубо вмешались чужие люди.

Надо сказать, что Плахов нравился Анастасии. Рыцарства и благородства ему было не занимать. Вот уж кого не смущала ее бесприданность. Насте приятны были его ухаживания, его постоянство. Все складывалось хорошо, и намерения у Плахова были, очевидно, самые серьезные. Но девушка чув-

ствовала в отношении него какую-то досаду, которую сама себе объяснить не могла. Возможно, причиной этой досады являлось то обстоятельство, что выбора у Насти и не было. Еще немного, и брат проиграет в карты весь отцовский капитал, сам, поди, скоро сопьется. Что останется делать ей? Возвращаться к матери в деревню пасти гусей? Но она давно чувствует себя барышней, крестьянская жизнь осталась в далеком прошлом. Брак с офицером, к тому же влюбленным в нее, был бы кстати. Слишком кстати. И это «слишком» понятно было не только ей. Наверное, Семен тоже уразумел, что ломается Настя лишь для порядку, деваться ей некуда. И вот это не давало девушке покоя, возмущало всю ее душу. Хотелось ей сделать вольный выбор, без принуждения, без страха перед будущим.

Вернемся же в дом морского офицера Семена Плахова. Минута потребовалась ему, чтобы накинуть только что снятый кафтан да захватить шпагу. И вот уже бежит он по булыжной мостовой следом за Глашей к дому зазнобы своей, чтобы вмешаться в судьбу ее. Не знает пока наш герой, что появление его на этой сцене навсегда изменит судьбу и Анастасии, и его собственную, а чья-то жизнь на том и вовсе оборвется.

Глава 6, в коей наш храбрец спасал свою возлюбленную, да так и не спас

Старинный родовой особняк почтенного семейства Воронцовых скрывал от людского суда много тайн и страстей своих обитателей, счастливые и несчастные семейные истории, смешные, забавные, достойные восхищения, а порой и постыдные, мелочные привычки своих хозяев. Всякое случалось в этих стенах, но такого позорного случая, каковой произошел теперь, они не помнили. А произошло то, что было совершенно неминуемо: никакая Фортуна не снизошла до пьяного и совершенно уже не помнящего себя Степана Воронцова, и он окончательно и бесповоротно проиграл то, что поставил на кон против всего Хромовского золота – свое кровное родство, свое обещание умирающему отцу заботиться о младшей сестре как о себе самом, свою совесть. Смысл содеянного еще не дошел до него, а Хромов уже начал сгребать золотишко в кошель, дабы поскорее убраться восвояси со всем вновь обретенным богатством. Но тут в гостиную вбежала запыхавшаяся Глаша, за ней появился Плахов. Увидев служанку своей новой крепостной, Хромов заявил тоном человека, не сомневающегося в своих правах:

– Скажи Анастасии, чтоб вещи собрала, я за ней повозку

пришлю...

Эти слова развеяли все сомнения Семена. Теперь он и сам ясно видел, что кошмарные события – не плод буйного девичьего воображения. Плахов подошел ко вконец размякшему Воронцову и тронул его за плечо:

– Степан Афанасьевич, а что здесь такое происходит?

Тот только и смог, что безнадежно махнуть рукой и уйти неверным шагом в соседнюю комнату, дабы забыться на диване и не думать более обо всем случившемся. Не чуя опасности от столь непредставительного гостя, откликнулся Хромов:

– Да ничего особенного... девку крепостную он в карты проиграл... делов-то!

Не только слова циничные, но и наглый вид да самодовольный взгляд сего бездушного сатрапа привели Семена в бешенство. Кровь застучала в его висках, рука потянулась к эфесу. Одно останавливало – мысль, как бы не осквернить кровопролитием дом своей любимой. Потому он сдержался и попытался воззвать к совести победителя:

– Она ведь ему сестрою приходится.

– Так не родной же – сводной, мало ли с кем там старый барин на сеновал хаживал. Тебе-то какой интерес? Никак амурный? – догадался Хромов.

– Отпустил бы ты ее подобру-поздорову, – глядя ему прямо в глаза, почти попросил Плахов.

– Подобру-поздорову, – недобро усмехнулся тот.

Видать, недооценивал он пыл этого невзрачного защитника. Что ж, не на того напали! Ожидая продолжения «задушного» разговора, Хромов повесил кафтан на спинку стула и начал приближаться к Плахову.

Тут в гостиную вбежала встревоженная Анастасия, верная служанка ни на шаг от нее не отступала.

– Что здесь происходит?

– Собирайся, Анастасия Афанасьевна, – с вызовом заявил Хромов. – Жить ты теперь у меня будешь. Воду греть, завтрак готовить. А ежели ночью позову, уж не заставляй себя ждать.

– Я вас последний раз прошу, – задыхаясь от гнева, проговорил Семен.

Хромов взял со стола шпагу, вынул ее из ножен и решительно направил прямо в грудь нашему герою:

– Прочь с дороги!

– Бог видит, я не хотел этого, – Плахов выхватил свою и встал в позицию.

Все свидетели этой сцены сорвались с места, только в разных направлениях. И если молодая барышня метнулась к дуэлянтам, то Стрешнев наоборот, тихонько улизнул на улицу.

– Да опомнитесь! Что вы творите?! – Настя уже не на шутку испугалась.

В самом деле, кто они такие и что себе позволяют: в чужом доме разыгрывают эдакие непозволительные сцены, не обращая на хозяев никакого внимания.

– Вещи собирай, а то я ждать не люблю, – грубо рявкнул на нее Хромов.

– Все хорошо будет, вы шли бы в комнаты, а мы тут разберемся, – как можно ласковей обратился к ней Плахов.

Противники приготовились к бою. Вид их не оставлял сомнений в серьезности намерений. Девушки попятились к дверям. И вовремя! Началась яростная схватка. Гостиная была не столь велика, чтобы сражающиеся могли чувствовать себя свободно. Отступать было некуда, поэтому бились они жестоко. После первой серии отчаянных выпадов Семен на миг потерял равновесие. Эта заминка могла бы стать роковой для него, но давно не дравшемуся Хромову она понадобилась, чтобы чуть отдышаться. Он все же использовал паузу для словесной атаки:

– Значит, девку себе присмотрел?

– Девок в порту присматривают. Я жену выбрал, – парировал Плахов.

– Ну так она до замужества овдовеет, – рявкнул Хромов и вновь бросился на противника.

Силы соперников были почти равны, бесстрашия и ловкости им тоже было не занимать друг у друга. Рубились на смерть, не давая спуска и не оставляя друг другу шансов. Но все же Хромова подвела разгульная жизнь, к которой он привык за последнее время. Поэтому Плахов извернулся-таки и с силой толкнул его в грудь, рассчитывая сбить с ног. Злодей не ожидал такого маневра и начал падать. Он надеялся удержаться за стену, но за спиной оказались незапертые двери в ту комнату, где схоронились Настя со служанкой. В последний момент он уцепился за косяк, увидел нацеленную на него шпагу и попытался прикрыться дверьми. Но удар пришелся как раз в дверную щель. Тяжелые дубовые створки захлопнулись, шпага осталась торчать между ними.

В сей миг с противоположной стороны гостиной, с улицы, вошли солдаты во главе с офицером. За ними следовал

– Что здесь? – офицер оглядел поле боя.

Картина была довольно странная: посередь гостиной стоял взъерошенный Плахов без камзола и без оружия. В углу жался слуга, а в закрытых дверях напротив торчал эфес шпаги.

– Так... Смертоубийство! – прошептал Воронцов, пуча от ужаса глаза.

И как в подтверждение его слов двери в комнату распахнулись, оттуда показался окровавленный Хромов со шпагой в груди. Он сделал шаг вперед и рухнул ничком к ногам своего убийцы.

Офицер молча кивнул одному из солдат, тот осмотрел лежащее тело и объявил:

– Преставился!

– Это все из-за нее, – поспешил показать на вбежавшую следом Анастасию Воронцов.

Девушка обмерла от ужаса, не зная, что и сказать.

– Взять! – кивнул на нее офицер.

От этих слов Плахов тут же пришел в себя. Он загородил Воронцову спиной и твердо произнес:

– Оставьте. Это я убил.

– Вашу шпагу, сударь! – приказал офицер.

Пришлось подчиниться. Солдаты приняли шпагу из рук нашего героя и повели его к выходу. Но не это для Семена было самым тягостным, а то, что, уже выходя на улицу, услышал он второй приказ:

– И ее тоже арестовать!

«Эх, Семен, Семен, никудышный ты спасатель», – подумал Плахов, да только поделать теперь он уже ничего не мог. Оставалось ему уповать лишь на волю Божью.

Глава 7, об ослах и командирах

Как же ликовала душа Туманова! Все было, как в прежние времена. В кабинете Ушакова, за завтраком, он держал доклад о городских происшествиях. Едва замешкал с бумагой, как тут же услышал зычный голос Андрея Ивановича:

– Ну что ты там копаешься?!

Не был бы он опытным офицером, ей-богу прослезился бы. Ну кто еще так умеет и отличить и приложить! Туманов наконец достал из папки нужную бумагу и поспешил к столу, за коим вкушал Ушаков щедрые божьи дары. Офицер начал с расстановкой, как и полагалось:

– Поутру боярский сын Жуков Михаил был найден, в чем мать родила, на городской площади, привязанный к ослу. После того как его поймали, учинили розыск злоумышленников.

– Поймали кого? – прервал доклад Ушаков.

Туманов взглянул в бумагу и, удостоверившись, что все в ней так и написано, как он только что объявил, повторил:

– Его...

– Поймали сына боярского или осла?! – повысил голос граф.

Туманов еще раз сверился с бумагой:

– Так тут не сказано.

– Да-а-а! – в сердцах скомкал салфетку Андрей Иванович. – Совсем писать разучились... Черти, чем занимаются... ослами привязанными! Ну и далее что?

Туманов продолжил:

– Нашли злоумышленников среди учеников капитанской школы...

Ушаков вырвал у него из рук бумагу и прочитал фамилии.

– И это будущее российского флота... – Он был возмущен до глубины души. Вот что значит без глазу хозяйского Русь-матушку оставить. – Н-да! Был бы жив государь... Ладно. Еще что?

Субординация, которой Туманов был обучен, не позволила ему взять тот лист, что патрон с гневом бросил на стол, а потому он перешел к чтению следующего:

– Морской офицер Плахов... убил некого фискального чиновника Хромова... в поединке в доме Воронцова. Причиной ссоры явилась сестра Воронцова, крепостная по рождению девка Анастасия.

– И кто этот Плахов?

– Сказано, что геройски проявил себя в Северной войне, – провел пальцем по строкам офицер, – командовал абордажной командой, хитростью захватил шведский порт, представлен к награде.

Под ложечкой сладко заныло. Так было всегда, когда чувствовал Ушаков, что дело складывается.

– И где он сейчас? – блеснул в глазах Главы Тайной канцелярии знакомый Туманову с давних пор азарт.

– Так в Приказе! – отрапортовал офицер.

– Федор! – крикнул Андрей Иванович. – Карету вели закладывать. В Приказ поедем.

Так и осталось куриное яйцо недоеденным, а чай недопитым. Пришлось Егорке прикончить овсяную кашу, что каждое утро готовила Пелагея для барина. Каша в этот раз была особенно вкусна, расстаралась кухарка. Только вот одно Егора огорчало: барин-то голодным уехал.

Глава 8, в коей морской офицер Семен Плахов не оправдывает возложенных на него надежд

Семен Плахов впервые пребывал в казематах Петропавловки. Слышал о них много, а вот самому как-то не доводилось. Да и как он, бравый морской офицер, не раз вступавший в отчаянный поединок с врагом, мог подумать, что будет стоять в сем страшном месте и держать ответ за убийство христианина? Хотя можно ли человека, что способен играть в карты на живую душу, христианином именовать? Но как бы там ни было, не хотел ему Семен зла.

Права Анастасия Афанасьевна – горячая у него голова. Сначала сделает, а потом уж думает, как выпутываться будет. Ну, такое уж у него ремесло. В нем без решимости никак нельзя. Не раз она его выручала, а тут вот подвела. Да ладно бы его самого, а то вот и... Мысль о том, что любимая сейчас здесь же в сырых подвалах Приказа, что грозит ей страшное наказание, была невыносима. Желание спасти ее предавало Плахову духу.

– Значит, сказываешь, шпагу первым вытащил Хромов? – начал дознание тучный судья. Он сидел во главе стола и явно был председательствующим.

– Точно так, – согласно кивнул Плахов. – Я же уже говорил.

– А ты разве смертию ему не грозил перед этим? – зататорил второй судья, что сидел по правую руку от председателя. – Он же не просто так оружие свое достал?

– Сказывал, чтобы подобра-поздорову шел... – Плахов с трудом подыскал нужное слово: – Домой...

– А что причиной ссоры стала девка крепостная Воронцова Анастасия, подтверждаешь? – председатель попытался навести Плахова на нужный ответ.

– Да она-то здесь вообще ни при чем... – начал Семен, но тут же был прерван вторым судьей.

– А не она ли через свою служанку подговорила тебя на смертоубийство Хромова?

– Да я и знать-то не знал, что там случилось. Служанку спросите, она сказала, что Воронцов на свою сестру в карты играет, я и побежал.

– Побежал зачем? Убить Хромова? – настаивал председатель.

– Нет. Помешать я хотел такому злодейству.

– А вот некто Стрешнев говорит, – второй судья указал в бумагу с показаниями, – что ты грозился Хромову...

Но стрешневскому доносу не суждено было быть оглашенным до конца. Дверь каземата заскрипела, и в проеме возникла фигура Ушакова. Его трость отмерила несколько шагов по каменному полу, а голос, оттолкнувшись от низких

сводов, заставил всех прочих замолчать.

– Что же ты, нехристь, натворил?! – приложил Андрей Иванович ничего не понимающего Плахова. – Взял и свидетеля прикончил. Велено было арестовать и доставить для допросу! А ты?!

– Я... – заморгал озадаченный Семен.

– Что ты?! – повысил голос Ушаков и направился к столу, что стоял у маленького оконца, забранного решетками.

Судьи не решались даже голову повернуть в сторону грозного вельможи.

– Сказано было: Хромова арестовать тайно, а ты целый балаган устроил, да еще солдатне сдался. Экспедитор хренов! – Ушаков подмигнул Плахову. – Я тебя сегодня же под домашний арест на неделю! – Андрей Иванович выдержал небольшую паузу, словно размышляя, таков ли срок. Потом, будто поняв, что надо бы наказать покрепче, вынес окончательный вердикт: – Нет, на месяц!.. На хлебе и воде сидеть будешь!

Наконец председатель решился:

– Я не понимаю, что здесь происходит!..

– Господин сей работал тайным экспедитором, – уважая суд, начал Ушаков. – И приказ имел арестовать фискала Хромова по обвинению во взяточничестве.

Второй судья вновь засуетился, пытаясь показать рвение:

– Но нам нужны доказательства, подтверждающие ваши полномочия.

Ушаков достал из рукава свернутую в трубочку бумагу и протянул секретарю. Председатель принял документ из рук секретаря, разорвал печать и начал читать. По мере того как он знакомился с документом, а через него и с персоной, что так бесцеремонно прервала допрос, масляные глазки его начинали выражать все более и более подобострастия, кое по окончании чтения оторвало его тучный зад от кресла и заставило спину согнуться в почтительном поклоне.

– Если Вашему сиятельству будет угодно, мы его освободим нынче же вечером... – доселе грозный, судья угодливо улыбнулся и развел руками. – Сами понимаете – формальности...

Ушакова судебные формальности в данном случае ничуть не интересовали. Плахов ему понравился. Сметлив оказался, сразу понял, что к чему. Вполне для дела стодится.

– Его я заберу тотчас же. А все бумаги по делу пришлете к вечеру. – Андрей Иванович не намерен был долее вести дебаты, он взял трость и направился к выходу, по дороге кинув морскому офицеру: – Одевайся и оружие свое не забудь.

Плахов подошел к судейскому столу, забрал лежащие на нем шпагу и шляпу, виновато улыбнулся, мол извините, что не оправдал ваших надежд, и проследовал за столь неожиданно возникшим спасителем.

Глава 9, об истинной цели экспедиции и настоящей любви

В карете Ушаков какое-то время молча наслаждался выражением удивления на лице Плахова, а потом рассмеялся:

– Ну и вид у тебя был! Будто к тебе архангел с небес спустился.

– Так может, и вправду архангел, – улыбнулся в ответ Плахов.

– А ты, смотрю, за словом в карман не лезешь. – Андрей Иванович достал из шкатулки бумагу и начал ее изучать, потом перевел пристальный взгляд на Плахова. – Значит, в Северную кампанию на кораблях Его величества командовал абордажной командой? А с виду не скажешь.

Семен в долгу не остался:

– Так у вас, Ваше сиятельство, тоже крыльев ангельских не видно...

Ушаков не любил шуток с подчиненными. В деле пусть себя покажет, а лясы точить да в красноречии состязаться – не мужская забава. Это пусть барышни на ассамблеях упражняются.

– Завтра отправляешься на корабле, – в голосе зазвучал металл, которого Плахов никак не ожидал. Как не ожидал и такого крутого поворота в своей судьбе. А Ушаков меж тем продолжал: – Пойдете под иноземным флагом, капитана зовут Сигвард. Для всех вы отправитесь на поиски пропавших в экспедиции к Мадагаскару.

Плахов по Северному морю не раз ходил, но что-то не припоминал такого местечка... А потому на лице его выразилось удивление. Пришлось Ушакову приоткрыть государеву тайну, так тщательно до сей поры оберегаемую. Но с одним условием: все, что Плахов услышит в этой карете, здесь же навсегда и останется. Секрет сей велик, и не в интересах державы, чтобы шведы или турки о нем прознали.

С превеликим вниманием слушал Семен о планах государя Петра. И хотя не суждено им было сбыться, все же замыслы этого великого человека впечатляли. Пока Плахов с товарищами своими бил шведа на море, государь Российский решил Карла другим путем обставить – с королем мадагаскарским связи наладить, дабы контролировать шелковый путь и беспрепятственно торговать с Индией. На это местеч-

ко шведский король Карл давно глаз положил, пираты и сами искали у него покровительства. Но Карл все медлил. Вот Петр и решил замешательством сим воспользоваться на благо короны российской. Для устройства русского флота нужно было золото, его и надеялся он добыть, снаряжая экспедицию Вильстера.

За сим рассказом Семен и не заметил, как лошади остановились, дверца распахнулась, и слуга склонился в почтительном поклоне. Ушаков вышел из кареты и направился к дому, Плахов последовал за ним.

Пока морской офицер вышагивал по лестничным маршам и анфиладам комнат рядом с хранящим молчание Ушаковым, он все пытался понять, почему выбор пал на него. Не дипломат он вовсе, и хотя языку аглицкому обучен, но в делах дипломатических совсем иной язык надобен. А им-то Плахов как раз не владел. Хитростям и интригам смолodu предпочитал он честный поединок. И только в кабинете

Ушаков все разъяснил:

– Твоя истинная цель – некий господин Вангувер... Человек этот вывез казну Ордена масонов. И теперь на него идет охота. Так что, не одни мы им интересуемся. Куда он схоронил сокровища, никому не ведомо. С ним должен быть некий Иван Самойлов. Он служил под моим началом. Егор его знает, – Ушаков кивнул в сторону, и Семен заметил в углу кабинета одиноко стоящую фигуру. – Поедет с тобой.

Егор охотно занял место рядом с Плаховым – наконец дело стоящее, не все ж барину сюртуки подавать. Опять-таки Ваню увидит и Лизу. Думал, что уж навсегда с ними расстался, а благодаря Андрею Ивановичу вскоре им снова свидеться придется.

Ушаков выдержал паузу и продолжил:

– Но пребывает этот Самойлов с Вангувером по делам амурным.

– По амурным? – удивился Плахов.

– Амурным. Влюблен Самойлов в сестру Вангувера, но это нам на руку. Где один – там второй. Вот тебе реляция, – Ушаков протянул Плахову заранее заготовленную бумагу.

И тут Семен решил:

– Ваше сиятельство!

– Что еще?

– Со мной была арестована некая девица Воронцова...

– Воронцова?.. – тут Ушаков обнаружил рядом с собой неожиданно возникшего Федора с подносом. – Что это?!

– Лекарство, – склонился Федор почтительно.

На подносе стояли наполненная до краев стопка и бокал с водой. Ушаков выпил ненавистные капли. Закряхтел недовольтно – уж больно горькое было снадобье. Проще водки графин опрокинуть, чем эту ерунду. Неужели и впрямь помогает? И Федор, как на грех, словно рок возникает перед ним с подносом, возникает точно по часам, будто этот лекарь-немец ему приплачивает.

– Она же крепостная, – сморщился Ушаков не то от горечи, не то от недовольства.

Семен гримасы не заметил, все мысли его занимала она – Анастасия Воронцова. Он на свободе, вскоре отплывет из России к берегам неведомым, вернется или нет – одному Богу известно. Пропадет она тут без него.

– Дозвольте ее вывезти, ей все равно здесь житья нету...

– Плахов! – рявкнул Ушаков, и Федор с подносом тут же ретировался. – Дела амурные с государственными мешать не следует!

Но Семен не из пугливых был, в бою не таких командиров видел, к тому же не своя судьба его волновала, а посему он протянул реляцию назад со словами:

– В таком случае отправьте меня обратно в Приказ...

Ушаков реляцию не принял. Резко повернулся и направился к окну, где стояла клетка с попугаем.

– Молодежь!.. – бубнил он себе под нос. – Что с вами юбки делают! Егор, – повысил он голос, – скажи Туманову, пусть

привезет барышню из Приказа.

– Спасибо, Ваше сиятельство! – перевел дух Плахов.

– Отправляешься завтра, Плахов. О том, что капитан подчиняется только тебе, письмо дам, но вскрыешь его в море лишь в случае особой необходимости. Понял? – Плахов кивнул. – Иди!

– Слушаюсь, – отдал честь морской офицер, лихо повернулся кругом и чеканным шагом направился к выходу, за ним заспешил и Егорка.

Оставшись один, Андрей Иванович нагнулся к клетке и спросил:

– Ну и что? Думаешь, справится? А?..

Попугай издал гортанный крик. Ушаков улыбнулся, под ложечкой сладко заныло...

Глава 10, в коей пассажир становится главнее капитана, а спасенная жертва негодует на своего спасителя

Великолепный фрегат стремительно несся по морским просторам. Давно уже остался позади Санкт-Петербург, а вместе с ним отошли в прошлое все тревожные и запутанные события последних дней. Впереди, правда, тоже была полнейшая неизвестность, но она представлялась более приятельной. Возможно, оттого, что голову кружили необозримая ширь морская, отблеск солнца в волнах, крики чаек да вольный ветер, наполнявший тугие паруса. Все это казалось чудом после сырых казематов Петропавловки. И по всему этому так истосковалась душа Семена, бывалого морского вояки.

Вот почему не сиделось ему в каюте, а тянуло, ни много ни мало, напрямик на капитанский мостик. Однако его появлению на столь стратегическом месте, как ни странно, никто не обрадовался. Капитан Сигвард, стоявший вместе с вахтенным у руля, глянул на самонадеянного пассажира искоса, но поначалу промолчал. Да только вослед за Плаховым на палубе показалась его спутница. Она тоже с наслаждением вдохнула влажный морской воздух, огляделась и прямехонь-

ко устремилась туда же, на капитанский мостик. Этого старый морской волк снести уж никак не мог: появление Анастасии подействовало на него как тряпка на быка. Всем ведь известно, что от бабы на корабле добра не ждать. Уж коли взял он ее, так пусть сидит тихо и не показывается. Ан нет же, будто хозяйка, расхаживает, где ей вздумается и когда. А этот, угодник ее, совсем забыл, кто главный на корабле. Нет уж, дорога предстоит долгая, и порядок на судне нужно навести сразу!

В праведном гневе своем капитан даже не заметил, как девушка отвергла предложенную Плаховым руку (дабы помочь ей подняться по лестнице) и нарочито отвернулась от него. Глядишь, разлад между норовистыми пассажирами развлек бы его. Но до мелочей ли, ежели грудь капитанскую распирает желание поставить всех на место?

– Извольте быть либо нижний палуба, либо свой кают. Здесь не место пассажирам, – железным тоном произнес шкипер и надменно поглядел на наглого русского офицера.

Однако тот не только не растерялся, а, напротив, взял тон еще более надменный:

– Вы, сударь, заблуждаетесь: я не пассажир.

Нет, наш герой не забыл, что ему было велено раскрыть свое инкогнито только в случае крайней необходимости. И намерения послушаться приказа у него не было. Просто он рассудил, что коли любовь его, Анастасия, глядеть на него не хочет, то всякий способ хорош, чтобы привлечь ее внимание,

и что это как раз тот самый крайний случай и есть. Что с влюбленного взять? Об этом-то мудрый Андрей Иванович и сетовал.

Такого поворота дел капитан никак не ожидал:

– Не пассажир?

Выдержав паузу, дабы придать своим действиям еще более весу (и ведь всего сутки общался с Ушаковым, а успел-таки перенять от него величественные манеры), Плахов извлек из рукава камзола некую бумагу и протянул ее капитану. Тот недоверчиво выхватил документ, сломал печать, прочитал его, нахмурился и перечитал еще раз, не веря своим глазам.

– С этого момента считайте себя вторым человеком на этом судне после бога, – подлил масла в огонь Семен.

Что остается делать человеку, которого враз лишают командования на собственном судне, находящемся в открытом море? Не бунтовать же. Только лишь принять новую власть, отвесить сколь возможно более учтивый поклон новоявленному командиру и покинуть капитанский мостик. Это и сделал умудренный жизненным опытом иноземец.

Плахов тут же повернулся к единственно важному для него зрителю и объявил:

– Ну вот, место под солнцем отвоевано...

Он приблизился к девушке и с надеждой заглянул в ее лицо. После всего, что он сделал для нее, Семен рассчитывал на душевный отклик, восхищение его отвагой и значимостью.

Ну или хотя бы просто на признательность. И ведь понимал он, что это не совсем благородно, да только ничего не мог с собой поделаться, так сильно мечталось ему о взаимности.

– Вы и в дальнейшем все собираетесь только отвоевывать? – в голосе Анастасии прозвучал вызов.

– Так моя судьба – воевать, – простодушно откликнулся Плахов.

– Значит, и мне готовиться к обороне?

Семен почувствовал, что неспроста задан вопрос, но блеск в глазах Насти и некоторое волнение в ее голосе он принял за кокетство, поэтому тон взял шуточный:

– Зачем же к обороне? Можно начать сразу с переговоров о сдаче.

Да уж, умея с легкостью разбирать морские карты, в женских душах читал наш герой прескверно, и потому весьма

удивился внезапному гневу своей спутницы, которая отрезала в ответ:

– Если вы думаете, что я вам должна, то ошибаетесь. Я не просила устраивать эту дуэль и тем более вытаскивать меня из Приказа.

– И тем не менее вы здесь, – попытался не потерять позиции Плахов.

– Вы просто воспользовались обстоятельствами и моим... положением! – весь гнев Воронцовой, скопившийся за последние дни, готов был выплеснуться теперь на голову ее непрошенного спасителя.

– Я? – Семен был потрясен ее словами.

– Вы! – выдохнула девушка и, боясь не совладать с нахлынувшими чувствами (увы, совсем не такими, на которые рассчитывал наш герой), поспешила удалиться в каюту.

Матрос, стоявший у руля и наблюдавший эту сцену с самого удобного ракурса, насмешливо хмыкнул. Это вывело Семена из состояния потрясения. Досада вдруг нахлынула на него.

– Что? – одернул он матроса.

– Да с ними по-другому надо: за косу – и на спину.

Это заявление развеселило матросню, драйвную палубу.

– Ой, Гриня, а ты почему знаешь, ты ж на берегу всего три дня был? – окликнули рулевого.

– Почему три дня? – спросил другой матрос, опираясь на швабру.

– Ну, когда родился, когда крестился и когда женился.

– Да ну! И где же его носило всю жизнь? – отозвался молодой матросик на юте.

– А всю жизнь его носило по морям! Верно, Гриня?

– Зато про баб все знает.

Весельчаки так и покатались со смеху. Но тут на палубе показался боцман и живо навел порядок резким окриком:

– А ну кончай лясы точить! За работу!

Матросы, покосившись на начальника, вновь принялись драить палубу. Рулевой сделал непроницаемое лицо и уставился вдаль. Плахов подумал с минуту и отправился в каюту с надеждой, что Анастасия сменит гнев на милость и одарит его приветной улыбкой.

Глава 11,

из коей становится ясно, что даже с самым дорогим нужно расставаться без сожаления, коли оно мешает делу

Уроженец графства Суссекс, сэръ Генри Арновиль не любил московитов. Все как-то в их жизни было устроено беспорядочно. Апломбу много, а об истинной родовой чести понятия никакого. До чего доходит! Дворяне в армии не могут иметь слуг. Там, у себя в Московии, оставляют огромные угодья, обрабатываемые парой сотней крестьян, а на войне должны выполнять все обязанности простых солдат. И уж совсем казалось сэру Генри унижением дворянского достоинства то, что и крестьяне, кои вербовались в армию волонтерами, немедленно объявлялись свободными и служили на

равном положении со своими хозяевами!

В этой дикости и видел бывший секретарь английского посольства корень всех своих бед. Отправили бы его с дипломатической миссией в цивилизованную страну, ничего бы из тех злоключений, что ему пришлось пережить, не выпало бы на его долю...

Но тут неожиданный «посетитель» отвлек его мысли. Таракан был огромный. Где он только пищу брал для такой комплекции? Рацион в этом заведении слишком скуден. Сэр Генри прицелился и прихлопнул ненавистное насекомое. Но тут очередной таракан, шевеля длинными рыжими усами, выполз из щели. В глазах бывшего секретаря вспыхнул охотничий азарт. Но тут тяжелая дверь заскрежетала...

Сэр Арновиль замер с ботинком в руке. Сержант-британец вытянулся у двери, уступив дорогу даме в длинном черном плаще. Дама вошла неспешно, осмотрела камеру, брезгливо поднесла шелковый платок к лицу и направилась к топчану, где застыл в недоумении уроженец графства Суссекс.

– *Bonjour, monsieur!*

– *Bonjour, but I don't speak French.*

– Но по-русски-то вы изъясняетесь прекрасно, – улыбнулась незнакомка, оглянувшись на тюремщиков. Офицер учтиво закрыл дверь снаружи, оставив собеседников наедине.

Опять эта ненавистная речь. Сэр Генри желал бы навсегда забыть и этот варварский язык, и эту дикую страну. Но что-

то подсказывало ему, что дама сия не зря посетила его в минуту отчаяния. Только каковы ее намерения?..

– Кто вы? Что вам нужно?.. – заключенный попытался заключенный поподробнее узнать о цели визита неизвестной дамы.

– Позвольте мне начать с вопросов, – перебила Мари. Да, это была она. Все также прекрасна, все также невозмутима, все также полна решимости найти деньги Фалинелли.

– Хорошо, – согласился Арновиль.

– Вы попали сюда после того, как вас заподозрили в связях с пиратами?

Сэр Генри прижал ботинок к груди и поклялся на нем так, словно это была Библия:

– Я не виноват...

– Я не собираюсь вас обвинять или снимать с вас вину, – прервала горячую клятву британца Мари, – я всего лишь удостоверяюсь в правильности изложения некоторых фак-

тов. Итак, вас арестовали за связь с пираткой Энн?

– Да! Но это все случилось по вине одного человека... Видите ли...

Именно этих слов Мари и ждала! Значит, она не ошиблась. Значит, этот пройдоха во всех своих бедах винит Ивана Самойлова.

– На что вы готовы, дабы очутиться на свободе и отомстить этому человеку? – сделала Мари следующий ход.

– Я? – вскочил со своего «ложа» несчастный заключенный. – На все!.. – и вновь давно нечищенный ботинок, прижатый к груди, послужил доказательством истинности его намерений.

О, он действительно был готов на все, только бы отомстить обидчику. Так в роду Арновилей поступали все его предки. Любого, кто посягал на честь их древней фамилии, ожидало возмездие! Оно не заставит себя долго ждать и в сем случае, стоит только ему оказаться на свободе. Пока же ловкий московит наслаждается всеми земными благами, а он, подданный британской короны, урожденный сэр Арновиль, вынужден разделять свой скудный обед с усатыми соседями.

Едва ступив на родную землю, сэр Генри тут же был заключен в тюрьму. Его обвинили в связях с пиратами и чуть ли не в государственном заговоре!.. А все из-за Самойлова, каковой так ловко стянул важные дипломатические документы. Кто же теперь поверит, что, служа британской короле, Арновиль бился с этим русским как лев, что только бла-

годаря его героическим усилиям русский шпион был заключен в корабельную тюрьму? И болтаться бы ему на виселице, если бы не пиратский фрегат...

Именно эта роковая встреча с пиратами решила дальнейшую судьбу некогда преуспевавшего секретаря английского посольства. Да, он торговал пиратским добром. А как еще было достать средства для возвращения на Родину? Он сговорился с Энн Бони на сорок процентов. Конечно, это был грабеж среди бела дня – он просил семьдесят. Но красotka оказалась непреклонна – вся в папашу. Тот тоже мучил и грабил людей среди бела дня и продолжал бы свой несправедный бизнес, если бы не лишняя порция рому. Но все-таки даже этот старый морской волк был не так опасен, как ловкий русский шпион. О, это страшный человек, и он должен поплатиться за все свои преступления! Бурный поток мыслей пролетел в голове британца, словно пуля, выпущенная из пистолета в грудь ненавистного Самойлова.

Мари меж тем брезгливо взглянула на ботинок, сморщила прекрасный носик и отвернулась от собеседника к окну. Чуткое ухо Арновиля с трудом уловило гортанное «Прекрасно!», произнесенное через шелковый платок.

Сэр Генри понюхал предмет, что совсем недавно верой и правдой служил ему по самым разным поводам: то как обувь, то как оружие против незваных усатых гостей, а то уж и во все как Библия. Ботинок и вправду скверно вонял. Генри тут же выкинул его без малейшего сожаления, он всегда готов

был расстаться с пустяком ради результата. На всякий случай он сунул свой нос в подмышку – белье давно потеряло первозданную свежесть, но в отличие от ботинка запах имело вполне сносный. Генри пожал плечами и с готовностью, припадая на босую ногу, направился к окну, дабы продолжить столь некстати прерванный разговор.

– Вы найдите его, наверняка рядом с ним будет и другой, – Мари не стала мучить британца долгим ожиданием.

– Другой?..

– Тот фокусник. Вы же видели его? В форте? Вы сможете его опознать?

Значит, Самойлов – это только наживка, на которую хочет поймать его нежданная гостья. Хитрый лис, так много практиковавшийся в дипломатической игре, сразу понял, что француженка лишь использует его нынешнее положение в своих целях. Неплохо было бы узнать, в каких.

– Конечно! – охотно подтвердил он, что прекрасно помнит фокусника и отыщет его, будь тот хоть иголкой в стоге сена. Но тут же, как бы между прочим, спросил: – А зачем он вам?

– Вам это знать необязательно. Или вы против? – Мари приподняла бровь.

– Я согласен, – прошептал заключенный.

– Хорошо! – улыбнулась дама.

Она подошла к двери и постучала. Сержант словно ждал команды. Тяжелая дверь распахнулась, и Мари, проходя

мимо начальника караула, шепнула еле угадываемое «Free him!».

«Free him!!» – он ждал этих слов несколько дней. Сэр Генри Арновиль не смог сдержать слез. Он рухнул на колени и стал благодарить Бога за чудесное спасение, но тут новая, ничего не подозревавшая жертва зашевелила усами у самых его ног. Генри схватил ботинок и с особым чувством ударил по полу.

Тем временем Мари, вполне удовлетворенная беседой, покинула пределы тюрьмы. У ворот к ней подошли двое масонов, одетых в черные плащи.

– Человек, который выйдет сейчас из этих дверей, выведет вас на след того, кто нам нужен, – обратилась она к ним.

Француженка села в карету, которая тут же покинула городскую площадь. Масоны остались исполнять приказ. Долго ждать себя сэр Генри не заставил. Он возник в воротах почти сразу, щуря глаза от яркого солнца. Все его члены

нещадно ломило. Еще бы, столько дней провести без мягких подушек! Но что означало это маленькое неудобство в сравнении с вновь обретенной свободой?! Свежий воздух слегка пьянил, Арновиль, покачиваясь, побрел по улочкам Лондона. Он улыбался прохожим, которые в этот день неожиданно показались ему вполне милыми и симпатичными людьми... Пройдя квартал, другой, он остановился, чтобы перевести дух, и вдруг заметил двоих своих преследователей. Улыбка тут же покинула его лицо. Нет, в этом мире решительно никому нельзя доверять! Еще более убедившись в правоте своего жизненного кредо, Генри Арновиль ускорил шаг, пытаюсь оторваться от слежки.

В тот самый миг, когда Арновиль обнаружил двух мрачных типов в плащах, идущих за ним по пятам, Семен Плахов сладко потянулся на борту своего фрегата. Наконец, все трудности долгого путешествия остались позади. Впереди их ждал Лондон – город, в котором он должен найти Самой-

лова, Вангувера и деньги Фалинелли. Нелегкая задача, если считать, что в столице Великобритании проживает без малого миллион человек.

Глава 12, в коей Лиза опасается лобстера, Самойлов – секретаря, и лишь Вангувер сохраняет полное спокойствие, благодаря которому и находит потайной выход

Хозяин небольшой таверны, расположенной на оживленной лондонской улице, поставил на стол блюдо с ветчиной и зеленью. Самойлов и Вангувер переглянулись, взяли вилки и воткнули их в один и тот же кусок, тут же разделив его ножом. Лиза и Варя, сидевшие рядом, засмеялись.

– Ну что, похоже, это наш последний обед в Лондоне, корабль отплывет нынче же, – улыбнувшись в ответ, провозгласил Вангувер.

– Вы все-таки решили оставить Софью и Катрин здесь? – уточнил Иван.

– Тетка совсем плоха, она не перенесет путешествия морем. Они позаботятся о ней, пока мы устроимся, – ответил Фокусник.

Подали лобстера. Лиза в ужасе отпрянула от стола, уставившись на диковинного морского жителя, распластавшегося на блюде.

Варенька рассмеялась:

– Да не бойся! Это же просто большой рак, как в речке.

Девочка недоверчиво покосилась на лобстера, про себя твердо решив, что никакой это не рак и есть его она ни за что не станет. С тех пор как покинули они Россию, ей пришлось перепробовать немало чужеземных блюд. Но этот красный толстый гад на тарелке совершенно никакого доверия у нее не вызывал.

В очередной раз стукнула входная дверь. Варя и Иван, сидевшие к ней спиной, не обернулись: час был полуденный и горожане то и дело заходили в таверну перекусить или пропустить по стаканчику. Вангувер же поднял глаза на вошедшего и сразу узнал в нем одного преинтересного персонажа. Действительно, внешность у сэра Арновилля была неординарная, а замаскироваться ему в голову не пришло.

Бывший секретарь английского посла бегло оглядел сидевших за столиками, но не все лица были ему видны с его позиции. Однако Вангувера он узнал, стало быть, и дерзкий москвит сидит рядом. Чтобы убедиться в этом, Сэр Арновиль прошествовал к стойке и сделал вид, что размышляет над заказом, искоса пытаясь рассмотреть лицо Самойлова. Хозяин таверны выжидающе уставился на нового посетителя.

– Помните господина, благодаря которому вы оказались на виселице? – спросил тем временем бдительный Вангувер.

– Хотите раскрыть ваш фокус с картами, коим вы спасли

мне жизнь? – сострил Иван.

– Отнюдь. Виновник ваших бед стоит у вас за спиной.

Вот так новость! Выходит, хоть служба в Тайной канцелярии закончилась, но отголоски былых приключений продолжают преследовать бывшего экспедитора по сей день.

Самойлов толкнул локтем вилку и уронил ее на пол. Поднимая, он оглянулся и разглядел господина секретаря.

– Это он, – подтвердил Иван.

Известие взволновало и обеих девушек – они тревожно переглянулись. Еще бы не переживать: столько уж было скитаний, столько испытали они сами, столько тревожились за Ванюшу. Жизнь только начала налаживаться, и вот на тебе!

Вангувер обсосал косточку, бросил ее в тарелку и подытожил:

– Это неспроста! Иван, уводите девушек через черный ход. У вас есть кто-нибудь в Лондоне?

– Откуда? – махнул рукой Самойлов. И тут же припомнил кое-что. – Хотя, постойте, есть одна особа... Я даже знаю, где она живет... Я видел купчую на дом в Лондоне.

Вот уж точно не знаешь, кто в этом мире может оказаться полезен. Когда-то, отпуская на волю юную отравительницу, Иван следовал лишь смутному чувству жалости к ее юности и надежде, что она больше не будет изводить людей своими снадобьями. Он и помыслить не мог, что придется встретиться с ней еще раз, и не в России, а за морем, да попросить ее о помощи. И вот ведь как все сложилось!

Тем временем сэр Арновиль, к ликованию своему убедившийся, что предмет его ненависти находится всего в нескольких футах от него, лучезарно улыбнулся хозяину таверны, пробормотал, что забыл свой кошелек, и спешно ретировался за дверь. Там его ожидали люди Мари. От секретаря теперь требовалось только одно – подтвердить, что интересующая их персона опознана и находится в данный момент в таверне. Что он с удовольствием и сделал. Люди в черных плащах как по мановению волшебной палочки начали появляться изо всех закоулков и стекаться к таверне. Но и внутри сей ловушки не теряли времени даром.

– Бегите и прячьтесь, пока я не дам знать, – быстро командовал Вангувер сестре и Ивану с Лизой.

– А как же корабль?.. – медлил тот.

– Думаю, там они и будут нас ждать. Где живет твоя особа?

Самойлов написал на салфетке адрес. Фокусник сунул салфетку в карман и настойчиво повторил:

– Бегите! Ждите моего знака.

– Пойдемте, – решил Иван и кивнул девушкам, чтобы следовали за ним к черному ходу. Они не заставили себя уговаривать.

А в это время к таверне приближался другой наш герой, Семен Плахов. Его корабль недавно причалил в лондонском порту, и он, скорый до дела, не замедлил навести справки, благо языкам был обучен и вполне бодро изъяснялся по-английски. Довольно быстро удалось ему напасть на нужный след, который и привел его прямехонько к злополучной таверне.

О том, что здесь затевается заворушка, Семен догадался сразу: уж очень выразительными были фигуры в черных плащах, прогуливавшиеся возле входа в заведение. Простые горожане, напротив, спешили покинуть это место. Однако Плахова никто не остановил, он беспрепятственно зашел в таверну и направился напрямиком к хозяину, ожидавшему за стойкой.

– Вы не видели господина с двумя сестрами? – осведомился Семен.

Хитрый старик со значением покачал головой. Тогда Плахов прибегнул к безотказному средству развязать любой язык – положил на стойку золотую монету. Ход был верным, хозяин таверны вмиг подобрел, забрал монету и кивнул на Вангувера. Плахов сразу подошел к указанному столику и уселся напротив фокусника.

– Похоже, вы и есть Вангувер?

– Если вы в этом уверены, то вам подтверждение ни к чему, – усмехнулся тот.

Казалось, его совсем не беспокоит гроза, что обещает вот-вот его настигнуть.

– Я послан найти вас, – заявил Семен.

– Неужели?

Шутливый тон собеседника ничуть не сбил нашего героя с толку: что-то было располагающее к себе в этом усатом господине. Не могла также не вызывать уважение его манера держаться: спокойная, достойная, чуть ироничная. Плахов, однако, не товарища себе искал, а выполнял поручение государственной важности. Сделать это необходимо было как можно скорее, иначе сим персонажем займутся совсем другие лица.

– Но нашей мирной беседе могут вскоре помешать, – продолжил Семен.

– О Боже мой, кто бы это мог быть? – продолжал отшучи-

ваться фокусник.

– Сдается мне, что сумма, которую вы утянули, слишком тяжелая ноша, хотя бы по тому интересу, который вы вызываете. Там снаружи странные господа собираются войти. И судя по их ромам, добра они вам не желают.

– В Лондоне немало бродяг, – равнодушно пожал плечами Вангувер.

В конце концов, должен же у этого шутника возобладать разум – так решил для себя Семен и потому объявил:

– Мой корабль стоит напротив гостиницы. Если вы передумаете – милости прошу.

Он встал и пошел прочь из таверны. Вангувер задумчиво посмотрел ему вслед, оценивая, представляет ли этот тихий собеседник новую опасность, или это провидение чудесным образом открывает ему выход из западни. Семен между тем беспрепятственно миновал группу людей в черном и отправился к себе на корабль, не сомневаясь, что если Вангуверу удастся выпутаться из заварушки, то он не заставит себя долго ждать.

Глава 13, в коей Вангувер твердо решает, какое из двух зол меньшее

Нелегко далось Вангуверу видимое спокойствие. Он, конечно, предполагал, что его деньгами станут интересовать-ся, но не думал, что найдется так много охотников. Да, надо было покинуть туманный Лондон гораздо раньше и не подвергать сестриц и тетушку очередной опасности. Что-то в последние полчаса тучи начали сгущаться слишком быстро. Вот и очередная возникла на пороге гостиницы. Четверо, чьи лица отнюдь не выражали доброжелательности, встали полукругом у его стола.

– *Get out!* – зычно крикнул тот, что застыл посередине и явно играл роль вожака.

Хозяин таверны, привыкший к нелегким временам, что в последнее время настали в Лондоне, опасливо схватил несколько бутылок и скрылся под стойкой. Пара горожан, оглянувшись на вошедших, ретировалась столь же быстро.

Вангувер, оставшись в гордом одиночестве, но не теряя аппетита, закусывал куриными крылышками. Старший из наемников налил себе вина, прополоскал горло и, сплюнув в кружку, с размаху грохнул ею об стол. Содержимое расплескалось, несколько капель попало на камзол фокусника.

Он неспешно стряхнул их салфеткой и откинулся на спинку стула.

– Сударь, вы невежа! – сказал Вангувер, надевая перчатки. – Мало того что вы помешали моему обеду, вы еще испортили мне аппетит.

Вожак наклонился и, уперев руки в стол, оскалился в недоброй улыбке:

– А ты накажи меня.

– Как пожелаете, – с этими словами Вангувер резко, схватив наглеца за шляпу, ткнул его в блюдо с омарами.

Сей удачный маневр дал ему необходимое время, чтобы подготовиться к неравной битве. Пока масон пыхтел, отдувался и пытался выплюнуть морской деликатес, Вангувер обнажил шпагу и, вскочив на стол, оказался почти недосыгаем для клинков противника, которые были наставлены на него.

Справившись с омаром, вожак воскликнул:

– Ну ты дорого заплатишь за это!

Плахов, мирно наблюдавший за событиями с борта своего корабля, напротив, увидел, что дорого платить придется трактирщику, поскольку именно его добро оказалось разбитым вдребезги. Вот со звоном вылетело окно, выбитое головой одного из нападавших. Виновник сего происшествия вылетел следом и растянулся на набережной, истекая кровью.

Толпа зевак тут же собралась вокруг и начала с жаром обсуждать происходящее. Среди любопытствующих находился и сэр Генри Арновиль. Всего несколько минут назад он покинул сие заведение, и ничто в нем не предвещало ничего подобного. Битва в таверне разгорелась нешуточная – за окном последовала дверь, снесенная с петель грузным человеком в черном. Масон, что остался стоять снаружи, бросился на помощь товарищу, но наткнулся на шпагу Вангувера, покидавшего негостеприимное заведение. Несколько ловких па, затем удачно пущенный в голову противника тяжелый крюк от портового крана, и Вангувер и из этой схватки вышел победителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.